

Романъ Импръ и Лесковъ
8.09.1911/2

„СНѢГЪ“.

(Вчерашняя премьера у Незлобина).

Изъ „хроники“ приѣзжающихъ въ столицу:

Въ Москву приѣхалъ, послѣ веселаго старичка-Мольера, и остановился въ комфортабельномъ театральномъ отелѣ Незлобина:

Философъ спинного мозга.

Станиславъ Пшибышевскій.

А вмѣстѣ съ нимъ и г-жа Юренева.

Женщина—сестра сатаны...

Соблазнительный, похотливый образъ ея средневѣковые аскеты отклоняли кровавыми ударами страшныхъ бичей по собственному тѣлу.

Женщина — апокалиптическая тѣнь ужаса, вампиръ, льющій кровь у мужчинъ...

Женщина — самка. Возделѣніе пола. Ненасытная жажда обладанія.

Гордый homo sapiens, почти Богъ, летающій въ воздушномъ океанѣ на аэропланѣ, учитывающій каждую вибрацію своего пера, изучившій извилины мозга пиявки, рѣзцомъ создавшій изъ мрамора Венеру Милосекую, написавшій божественную Джіоконду, вдругъ чувствуетъ, что глубоко внутри его, гдѣ-то на дѣя души просыпается:

Звѣрь.

Первобытный грѣхъ, вставшій между Адамомъ и Евой.

Змій—половой инстинктъ.

Проснулся звѣрь, — и все рушится, многовѣковая шлифовка культуры исчезаетъ съ человѣка.

Онъ становится рабомъ сестры сатаны, рабомъ женщины.

Но какая-то молнія пронизываетъ бездну тьмы и видно:

Все это „счастье“—лишь счастье червяковъ, которые родились въ кутѣ навоза на солнцѣ...

И наступаетъ тоска, тоска о вѣчномъ...

Эту безумную тоску долженъ былъ показать намъ Тадеушъ—г. Рудницкій.

Его же родной братъ Казиміръ—г. Аслановъ—такъ многорѣчиво общалъ намъ это.

Но и г. Рудницкій, и г. Аслановъ оказались:

Лжецами.

У г. Рудницкаго—Тадеуша не было тоски.

Была лишь—скука.

Надъ нами тяготѣетъ рокъ, фатумъ, греческая „мойра“, первородный грѣхъ.

Грѣхъ, мстящій даже „до десятаго колѣна“...

Г. Рудницкій—Тадеушъ не былъ одержимъ имъ.

Дьявольское могущество женщины ненавистно мужчинамъ.

Онъ въ такія минуты можетъ топтать ее ногами, поносить ее, какъ это дѣлаютъ многіе герои Пшибышевскаго. И у Тадеуша—были такія минуты.

У г. Рудницкаго онѣ пропали...

Ева—г-жа Шиловская.

Вмѣсто „сестры сатаны“ была лишь худая высокая дама въ бархатномъ капотѣ.

Адамъ бы удралъ безъ оглядки отъ такой Евы...

Да простится мнѣ нѣсколько вульгарное выраженіе.

Г-жа Шиловская—Ева все время лишь „пыжилась“. Въ изображеніи ея „врата ада“ совсѣмъ не соблазнительны, въ нихъ не захочетъ войти ни одинъ грѣшникъ, а тѣмъ болѣе Тадеушъ.

Казиміръ—г. Аслановъ...

Впрочемъ, милосердіе заставляетъ молчать и о немъ, и о Макришѣ—г-жѣ Полевой.

Я нарочно оставилъ дебютантку г-жу Юреневу—Бронку на самый конецъ.

Отдѣлимъ козлищъ отъ агнцевъ...

Генеральная репетиція, премьера, дальнѣйшіе рядовые спектакли театральныхъ будней—сегодня, можетъ быть, чуточку лучше, завтра немного хуже...

Не все ли равно?

Но бесспорно:

Бронка г-жи Юреновой заставитъ слѣдить зрителя за собой, страдать за нее.

Когда прозвучалъ гонгъ, и, тихо шурша, раздвинулся суконный незлобинскій занавѣсъ, у большихъ готическихъ оконъ стояла Бронка.

И страхи этого любимаго ребенка предъ метелью, ея серебристый смѣхъ, когда Тадеушъ вернулся, такъ искренны и граціозны.